

Магомед АХМЕДОВ

Махачкала, Дагестан

Ахмедов Магомед Ахмедович — народный поэт Дагестана, председатель Союза писателей Дагестана, переводчик, критик, публицист, общественный деятель. Родился в 1955 году в селении Гонода Гунибского района Дагестанской АССР. Окончил Литературный институт имени М. Горького в Москве. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии Республики Дагестан, премии им. А. Дельвига, Большой Литературной премии России, литературной премии Международного фонда Расула Гамзатова и многих других. Награжден орденом «За заслуги перед Республикой Дагестан». Живет в Махачкале.

«ЦВЕТЫ ИЗ ГУНИБА...»

ЕСТЬ ЧАС В НОЧИ...

Есть час в ночи, длиной в одно мгновенье,
Когда ты просыпаешься в поту,
Грехи тебя зовут, зовет прозренье,
Вопросы задают сквозь немоту.
Как ты живешь и что другим оставишь?..
Не покривить душой, не промолчать...
И музыка в душе... А из-под клавиш
Спешит строка, чтоб мучить и звучать.

Есть час в ночи... Ты робким подмастерьем
Стоишь... Ты свой не выучил урок.
Ты всё забыл, во что недавно верил,
А что запомнил – то тебе не впрок.
И всё гадаешь – что решит Всевышний?
Позволит ли он думать и дышать?
Всё остальное лишним будет, лишним...
Спешит строка, чтоб мучить и звучать.

Есть час в ночи... Его, как мост Сиратский,
Лишь одолеет чистая душа.
Грехи же вниз потянут... В пламень адский,
Но как пройти по жизни, не греша?
И ты идешь, гонимый черным веком,
На лбу сомнений горькая печать.
Но если ты остался человеком –
Придет строка, чтоб мучить и звучать.

НАБОКОВ

Владимиру Павловичу Смирнову

«Россия... Звезды... Ночь расстрела...
И весь в черемухе овраг...»

Владимир Набоков

Был он болен и слаб... И признался красавице Белле,¹
Провожая глазами её восхитительный стан,
Что устал от всего... И что нервы давно на пределе:
«Так в Россию хочу!.. Без России мечты оскудели...
Мне б куда-нибудь в горы... Безвестным... В седой Дагестан».

Я об этом узнал...
И вдруг понял – откуда высокий
Этот росчерк пера, это чудо набоковских строк.
До того, как прочел, я уже полюбил эти строки –
Был, как горы в Гунибе, полет его мысли высок.

И я стал его ждать ...
И я стал его ждать непрерывно.
Но душа его взмыла, невинной снежинки белей,
Выше хмурых небес, выше горных вершин Дагестана,
Выше русских берез и отлётной тоски журавлей...

Я, как мог, сохраняя
Этот дух – озорной и бунтарский,
Отпуская с ладони ранимую бабочку-стих.
И гордился, что можно теперь прочитать по-аварски
Оголенные строки, что бьют тебя будто под дых...

Значит, нет у стихов
Ни границ, ни пределов, ни сроков.
Мне всё снится ночами – истерзан, измучен и наг,
Прикрываю его... А меня прикрывает Набоков...
И мы падаем оба в набитый телами овраг...

¹ Белла – поэтесса Белла Ахмадулина

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Зеленые звезды порою мне светят с небес,
Зеленые травы мне дарят зеленые тайны.
И в зелени луга мне чудится столько чудес,
Хотя я всего лишь – растерянный путник случайный.

Здесь всё неподдельно и все пробирает до слез,
И сердце поэта зеленое марево лечит.
Зеленые косы раскидистых русских берез
В Гунибе ласкают мои утомленные плечи.

Стою у надгробья и что-то боюсь говорить.
Земля вологодская... Скромная эта могила.
Любимая только способна поэта убить...
Ты просто любил... А любимая просто убила...

Зеленые звезды с собой ты неслышно унёс.
Стою у могилы... Какие здесь могут быть речи?
Зеленые косы родимых гунибских берез
Мне в Вологде молча ласкают усталые плечи.

Ушел ты не понятным... Не понимают меня –
Вовек не сойти нам с того бесконечного круга.
Но токи земли через нас проникают, звеня,
В высокое слово... И мы понимаем друг друга.

Я горского хлеба принес тебе щедрый кусок,
Голодные птицы на хлеб напустились оравой.
Ты был одиноким... Я тоже давно одинок.
Бог видит – сочтемся с тобою посмертною славой.

Боюсь обмануться и что-то промолвить не то...
Могила твоя не забыта в краю богоданном.
Есть памятник даже... Ты в черном немодном пальто.
И в шарфике черном... С нелепым своим чемоданом.

Собрался в дорогу... Последний готов пароход...
Вечернее эхо неспешно парит над рекою.
Минута-другая – и твой пароход уплывет...
Последним поэтам ты нервню помашешь рукою.

Букетик к букету... Торжественный траурный ряд.
Стихи подступают... И нет у поэзии края.
Стихов твоих звезды давно над Гунибом парят,
Цветы из Гуниба у ног твоих чуть озаряя.

Горы говорят мне сквозь галдеж
Горных птиц и прочей круговерти:
«Помни, человек, что ты умрешь...
Помни, человек, о скорой смерти!..»

Родники звенят среди немоты,
Мир сквозь брызги делаю огромней:
«Помни, человек, не вечен ты,
И, живя, о скорой смерти помни!..»

Я смахну слезиночку с очей,
Песнопеньям радуясь, как чуду...
Пусть поют и птица, и ручей!
А о смерти сам я не забуду!

ПЛАЧ СЛЕПОГО ОХОТНИКА

Я – старый охотник... Я выбился просто из сил,
Бродя по ущельям, одежду стирая в отресья.
Последнего тура я нынче в горах застрелил,
А пуля вернулась... Попала в меня... И ослеп я...

В глазах потемнело... И сделались дали пусты.
И солнце шепнуло: «Тебя я навеки покину...»
За годы скитаний я столько убил красоты,
Что не отличить мне теперь от низины вершину.

Был взгляд мой намётан... В стрельбе я не знал неудач.
И падали туры, склоняя пронзенные выи.
И только ослепнув, вдруг понял – я только палач...
А где эти души, а где эти души живые?

На шелест, на шорох умел я мгновенно стрелять,
Мой выстрел являлся предвестником смертного часа.
Куда всё девалось? Я это не в силах понять,
А сердце похоже на турье сгоревшее мясо...

Я так ликовал, если, выстрелом сбитый моим,
Катился подстреленный тур вдоль глухого ущелья.
И кровь закипала... И был я Аллахом храним,
Но кровь моя сделалась черной, как мутное зелье.

Тяжелое солнце стекало в межгорный провал,
И скалы пугались вот этого лютого смеха,
Когда я, убивший, от радости долго скакал,
И сердце гудело в груди, будто горное эхо.

А нынче Всевышний забрал мой прищуренный взгляд.
Во тьме засыпаю... Во тьме просыпаюсь и каюсь...
И только в мозгу моем выстрелы снова звучат –
От них просыпаюсь... От выстрелов я просыпаюсь.

Последний мой выстрел... Тур падает, громко храпя,
А сердце опять наполняет шальное веселье.
Я снова стреляю... И вновь попадаю в себя,
Подстреленным туром летя в грозное ущелье.

РУССКОЕ ПОЛЕ

О, русское поле... Снега и снега.
Душа оживает от снега и света.
Старею... Но ты, как была, дорога –
Поныне дороже мне женщины нету!

Любимая, где ты? Кого мне винить?
Как жить без тебя мне с бесцельною целью?
Неужто метель так смогла закружить
Тебя?.. И ты сделалась белой метелью?

Любимая, где ты?.. Позёмка кружит,
Неспетую песню уносит далече.
А сердце без песни болит и болит,
А снег всё летит – на виски и на плечи.

Снежинка легка, но так больно плечу,
Когда, под седлом ослабляя подпругу,
Я всадником белым сквозь вьюгу скачу –
По русскому полю... Сквозь русскую вьюгу...

Всё чудится – ты заблудилась в пути,
Две наши дороги сойтись не успели...
И конь мой к тебе понапрасну летит
По русскому полю, средь белой метели...

ОДИНОЧЕСТВО

Как можно исправить, как можно придумать любовь,
Коль рухнуло всё?.. Эта женщина стала чужою...
Но я говорю себе: истине не прекословь!—
Опять одинок? – Да я женщины этой не стою!
От белой метели в окне моем стало темно,
Сижу без огня, одиночество – жуткая пытка.
Остылую кровь всё сильнее разбавляет вино –
Печальное сердце иного не жаждет напитка.
И что тут поделывать? Смириться?.. Такая юдоль...
Но ломит виски, и всё чудятся женские руки.
И боль одиночества, кажется, больше, чем боль,
И боль от разлуки, наверное, больше разлуки...

ПОЭТ И ИМАМ

Бой затих... И скалы понемногу
Озарялись отсветом луны...
«Выхожу один я на дорогу...», –
Доносилось с русской стороны.

И печально делалось и больно,
Отступали смерть и неуют.
И Шамиль заслушался невольюно:
«Что за песню русские поют?»

И толмач, имама знавший лучше,
Чем любой отважнейший мюрид,
Рассказал, что Лермонтов... Поручик...
Написал слова... Он здесь убит...

– А о чем она? – Да о герое,
Не жалевшем прошлого ничуть –
Он искал свободы и покоя,
Он хотел забыться и заснуть...

– Ну а как погиб? Из-за наветов?
Или горец выстрелил в висок?

– Русские... Они своих поэтов
Часто убивают. Видит Бог...
Всё у них поэты виноваты,
Им ценить поэтов Бог не дал...

– Если б мне он встретился когда-то,
Я бы свой не вытащил кинжал.
Что не наши – это слава Богу, –
Закивал имам... Шагнул к реке.
«Выхожу один я на дорогу...», –
Затихало где-то вдалеке.

ХАДЖИ-МУРАТ

Молюсь... Прошу... Хаджи-Мурат, не предавай, не надо...
Враг посмеется над тобой и проклянёт земля.
Ведь на миру и смерть красна... А высшая награда –
Погибнуть в праведном бою, пощады не моля.

Враг подарил тебе любовь? – Такой любви не верю.
Шамиль лишь ненависть копил и этим мне родней.
Ведь и геройский человек порой подобен зверю,
Когда в геройстве предаёт боль Родины своей.

Тебя Всевышний уберег... Смерть проходила мимо.
Но ты стоял в чужом строю, и был ты – вражья рать.
И как, скажи, соединить что не соединимо?
Кому из двух врагов – ответь! – клинок твой в руки взять?

На клочок чернеющей травы башка твоя слетела...
И снова сеча, снова бой и много мертвых тел...
Остался ты без головы, а голова – без тела...
Потомки ссорятся твои – ты этого хотел???

Ты был, поверю, в чем-то прав, обидясь на имама,
Но разве горская земля – причина тех обид?..
А ты посмел предать ислам, геройский сын ислама...
Простят друзья, простят враги, но память не простит!

Не предавай, Хаджи-Мурат!.. Ты это понял поздно!
Когда впервые твой рассвет стал чёрен, а не ал.
Над отсечённой головой – угрюмо и беззвёздно...
Тебя всегда берег Аллах, а нынче – отказал...

В последней схватке, сбит с коня, израненный и страшный,
Ты ветку черную хватал слабеющей рукой...
Та ветка – Родиной была, истерзанной, вчерашней,
Успевшей шелестом спросить: «А это кто такой?..»

И телу силы не дала, как будто не признала...
Смеялись пришлые враги, звучала вражья речь.
И было весело врагам, хотя казалось – мало
Такому знатному бойцу лишь голову отсечь...

Зарыли тело в тот же час... И, подлости в усладу,
Послали голову в музей – геройский был мюрид.
Через века глядит на нас башка Хаджи-Мурата,
А Вечность молча на неё глядит, глядит, глядит...

Хаджи-Мурат, без головы представший пред Аллахом,
Покая просит для себя, он с Вечностью на «Вы».
И лишь его мятежный дух витает над Хунзахом,
Но даже он – бесплотный дух – и тот без головы.

Он всё витает сквозь века, стремясь в Хунзах упрямо.
Чернеют скалы... Гром гремит... И слышится в веках,
Что ты, отважнейший боец, но предавший имама,
Не смеешь к дому подойти, не ждет тебя Хунзах.

А я молюсь... Мне эта боль ничуть не отболела.
Скупая катится слеза на этот черный наст.
Соедини, молю, Господь, и голову, и тело –
Он всё прошел, он понял всё... Он больше не предаст...

Вопрос непростой я услышал однажды
Из уст человека, презревшего страх:
«Когда ты умрешь от любви иль от жажды,
Чье имя застынет на мертвых устах?»

И я растерялся под шепот и вздохи,
И ворот от стылого пота промок –
Я нёс на плечах отголоски эпохи,
Но был я при этом, как перст, одинок.

На сумрачном небе звезда задрожала,
Направив мне в душу рассеянный свет:
«Ведь было и звездных мгновений немало,
А звезды поэтов спасают от бед!..»

Огонь, затухавший в остывшем камине,
Тревожащий отсвет нацелил в меня:
«Да ведь без огня счастья нет и в помине...
Как можно Отчизну любить без огня?..»

Но сердце шепнуло: «Высокого слога
Поэту в пути не достигнуть никак,
Когда позабудет про Господа Бога
И скажет: небесная сила – пустяк!..»

И понял я, что и в часы безвременья,
Когда и не раб может спину согнуть,
Лишь Бог мне дает и слова, и терпенье,
И высшего смысла высокую суть.

Я поднял глаза... И увидел – высоко
Парили созвездья, дрожа на весу.
И губы шепнули про Господа Бога,
Чье имя с собой навсегда унесу.

Чья-то старая мать сиротиной живет,
Одинокество в детских глазёнках несмелых...
Одинаково страшно и в доме сирот,
И в постройке с табличкою «Дом престарелых»!

Как похожи они в одинокости дней –
И дитя, и старуха с обугленным взором!
Сны им черные снятся... И нету черней
Одинокой тоски за казенным забором.

К ним не ходит никто... И никто не придет.
Позабыли старуху и бросили сына...
Ничего нет печальнее этих сирот:
Там и мать-сирота, и дитя – сиротина...

Ну а люди? А людям не снится беда...
Не считая себя за сиротство в ответе,
Всё бегут по делам, поспешая туда,
Где их бросят когда-нибудь взрослые дети.

Давно мы разучились понимать
Друг друга... Объясняться бесполезно.
И бесполезно каяться опять,
Грехи швыряя в сумрачную бездну .

Уже давно нам холодно вдвоём,
Давно в дому состарившемся вьюга.
Но даже это лучше, чем потом,
Когда отнимет Бог нас друг у друга.

Отару Чиладзе

«Честь имею...» – коротко и страстно...
Честь имели храбрые мужи.
Вызов на дуэль... Рассветом ясным
В пистолеты вложены пыжи...

Разве нынче помнят про дуэли?
За углом ударили под дых...
Вместе с той эпохой отшумели
Страсти дуэлянтов удалых.

Никого уже у речки Черной
Подойти к барьерам не зовут.
Честь иметь – давно почти позорно,
Честь имеешь? – первым оболгут.

Черный воск ползет по черной свечке,
Чернота на кончике пера.
Черноту нам в души с Черной речки
Всё приносят черные ветра.

Бросишь взгляд... Жестоко ошибешься.
Застит очи черная пурга.
Нелюбимой в чувствах поклянешься,
Следом друга примешь за врага...

А потом, почти уже немея,
Позабыв про славу и талант,
Прохрипишь чуть слышно: «Честь имею...», –
Как с пробитой грудью дуэлянт.

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

– Не опаздывай, друг мой Сальери, приходи
Слушать музыку... Бог диктовал мне...
– Этот Моцарт проклятый всегда на пути...
Яд... Вино... Черной зависти камни...

В этой жизни давно невозможно понять
Цену лжи и бесценность потери...
Только Моцарта ищет Сальери опять,
Снова Моцарт спросил о Сальери...

РУССКИЕ ПОЭТЫ

Геннадию Иванову

Мой Пушкин вновь ко мне приник,
Живым вернувшись с речки Чёрной:
**«Я Памятник себе воздвиг...
Любви все возрасты покорны...»**

Мы с ним, вдвоем на сквозняке,
Стоим... И чудится – в тумане,
Сейчас – на русском языке! –
Он запоем о Дагестане.

Проникнет в душу каждый звук
Среди вселенского потока.
И **парус** лермонтовский вдруг
Здесь **забелеет одиноко.**

Какие слово и мотив,
Как это больно и сердечно!
Звезда с звездой заговорив,
Со мной останется навечно.

И с Блоком я по январю
Пройдусь... Махмуд и он – мессии!
И, будто эхо, повторю:
«Мы – дети страшных лет России!»

На берегах Невы-реки
Я буду этими стихами
От черной режущей тоски
Спасаться белыми ночами.

Такою же тоской объят,
Пойму, сдержав скупые слёзы,
Что по-есенински шумят
В Гунибе белые березы.

Губами прижимаясь к ним,
Судьбе доверюсь наудачу.
Строкой Поэзии храним,
Я тоже **не зову, не плачу**.

Я просто знаю – в чёрный час,
Когда сгустятся злые тени,
Спасут меня еще не раз
И Блок, и Пушкин, и Есенин...

Перевод с аварского
Анатолия АВРУТИНА